

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МАЛЫХ ЖАНРОВ Н. С. ЛЕСКОВА В ПРАКТИКЕ ВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Предметом анализа в статье послужила современная проблемная ситуация поисков путей анализа литературного произведения, наиболее адекватных поэтике малых жанров Н. С. Лескова. Автор предлагает систему занятий по анализу и интерпретации произведений Н. С. Лескова. Она построена на сочетании разнородных элементов, восходящих к фольклору, агиографии, мифопоэтике и находящихся между собой в амбивалентной семантике, что позволяет выйти в аксиологические координаты героев Н. С. Лескова и авторского художественного сознания.

Ключевые слова: поэтика, мифопоэтика, фольклоризм, агиография, амбивалентность, аксиология.

MODERN APPROACHES TO THE STUDY OF SMALL GENRES OF N. S. LESKOV IN THE PRACTICE OF UNIVERSITY TEACHING

The subject of analysis in the article was the current problem situation of searching for ways of analysing a literary work that is most adequate to the poetics of small genres of N. S. Leskov. The author offers a system of classes on the analysis and interpretation of the works of N. S. Leskov. It is built on a combination of heterogeneous elements dating back to folklore, hagiography, mythopoetics and being among themselves in ambivalent semantics, which allows one to reach the axiological coordinates of the heroes of N. S. Leskov and the author's artistic consciousness.

Keywords: poetics, mythopoetics, folklorism, hagiography, ambivalence, axiology.

Последнее десятилетие в лесковедении отмечено широким спектром направлений исследований поэтики Н. С. Лескова. Проблема религиозного преобразования национальной жизни, парадоксы национального характера находят у исследователей закономерные связи со специфическими приемами лесковской поэтики, «программирующими» на неоднозначные, а нередко взаимоисключающие интерпретации. С одной стороны, произведения Н. С. Лескова, по замечанию Д. С. Лихачева, интригуют читателя истолкованием нравственного смысла происходящего в них [1], а с другой стороны, эта примечательность лесковских текстов вызывает значительные трудности не только в самостоятельном прочтении, но и в их интерпретации.

О драматизме отношений университетской науки, преподавателя и студента свидетельствует и тот факт, что студент с трудом постигает смысл текстов классической литературы в силу большого объема, чуждой стилистики. Чтение становится трудоемким, принудительным, студент в буквальном смысле стал нечитающим, за редким исключением тех, у кого сформирован навык чтения и кто будет читать при любой системе преподавания [2]. Отсюда следует необходимость поиска инструментов анализа, наиболее адекватных поэтике писателя, учитывающих невозможность однозначных этических оценок, позволяющих подобрать ключ к амбивалентной семантике, которая создается благодаря взаимодействию и игре различных кодов.

В рамках вузовского спецкурса «Актуальные проблемы творчества Н. С. Лескова» нами разработана система занятий, которая позволяет студенту интерпретировать произведение классической литературы в различных аспектах, сопоставлять концепции, тем самым обеспечивать свободу выбора в осмыслении идей и художественных форм. Студентам предлагается обсудить проблему

интерпретации произведений Н. С. Лескова по следующим научным направлениям:

1. Оценка социологизированного литературоведения: работы Б. М. Эйхенбаума [3], В. Н. Гебель [4].

2. Фольклорная концепция, представленная в книге А. А. Горелова «Лесков и народная культура» [5].

3. Мифологическая концепция С. М. Телегина [6].

4. Мифологическая концепция чувственности в статье Катрин Жэри [7].

5. Фольклорно-мифологическая концепция в монографии И. В. Поздиной [8].

6. Аксиологические подходы в работах И. А. Есаулова [9].

7. Поэтика амбивалентности и аксиологические координаты героев [10; 11; 12].

Научные интерпретации советского периода, в основе своей социологизированные, ограничивающие трактовку сложных лесковских характеров морально-этическими оценками, выносят однозначный приговор героям Н. С. Лескова. Работы последующего периода значительно расширяют смыслы лесковских произведений, приводят к авторскому пониманию многомерности мира, сложности человеческой природы, приближают к пониманию авторской антропологии.

Так, например, заинтересованные споры у студентов вызывают сопоставление концепции экстатического характера героини очерка «Леди Макбет Мценского уезда», представленной исследователем из Франции Катрин Жэри, и российских ученых. Студенты приходят к выводу, что зарубежная точка зрения на русского человека ограничена мифологической интерпретацией и не учитывает той сложности, неоднозначности оценок, которые содержатся в соединении мифологической и фольклорной трактовки. И. А. Есаулов [9] ведущую проблему Н. С. Лескова — проблему религиозного

преображения национальной жизни — пропустил через систему аксиологических координат, показал универсальные, онтологические, или высшие, ценности, притягивающие на статус общечеловеческих.

Не менее важно учитывать принципы системной организации структуры лесковских произведений. Лесковедением отмечены отличительные особенности поэтики писателя: не только акцентированная неоднозначность персонажей и сюжетных мотивов, но и взаимодействие различных жанровых систем, сама художественная система постоянно колеблется между противоположностями. Применительно к «Леди Макбет Мценского уезда» подобное замечание было сделано Катрин Жэри: «Использованная Лесковым сказовая манера повествования позволяет ему реализовать такую амбивалентность внутри самой художественной системы повести. Эта система постоянно колеблется между сексуализацией мира и моральным осуждением сексуальности» [7, с. 105]. То, что амбивалентность присуща художественному миру многих произведений писателя, отмечено рядом исследователей. Показательны и различные подходы к интерпретации лесковских характеров.

Рассмотрим этот аспект на примере образа Флягина — героя повести «Очарованный странник». В портрете Флягина важно сравнение героя с Ильей Муромцем. Образ Ильи Муромца — былинное олицетворение русского народа. Параллель с ним наводит на мысль, что Иван Северьянович — герой эпический, национальный тип. В истории его жизни представлено отражение духовного роста народа, пробуждение его духовной силы. Очевиден авторский намек на масштаб его личности. Действительно, традиционно герой вписывался в концепцию праведничества, в его пути прослеживалась агиографическая и фольклорная традиция, путь его лежал к нравственной истине. Но внимательное прочтение повести на каждом повороте судьбы героя обнаруживает несколько иные смыслы, отличные от традиционного представления о Флягине в исключительно высоком ключе. Об этом сегодня говорят О. Е. Майорова [11], А. М. Ранчин [12]. Но именно О. Е. Майорова предложила интерпретацию повести как произведения с амбивалентной семантикой: «Будучи ироничным писателем с присущей ему игровой авторской позицией, Лесков любил создавать многослойные тексты, открытые амбивалентным прочтениям и построенные на переосмыслении сложившихся риторических схем и популярных мифов. Рассыпанные по его произведениям ссылки на такие мифы... опасно воспринимать напрямую, как ключ к пониманию текста» [11, с. 354]. Действительно, уподобление Флягина Илье Муромцу заключает в себе иронию: свободолюбие или даже бунтарство Ильи контрастирует с подчиненностью обстоятельствам, его поступки отнюдь не богатырского масштаба.

А. М. Ранчин также выявляет амбивалентный характер лесковского текста — не только фольклорного, но и агиографического кода. Исследователь приходит к выводу, что трактовка судьбы Флягина повествователем не совпадает с несоизмеримо более сложным авторским видением. Прямолинейность в определении пути героя как пути духовных исканий и глубины религиозных переживаний, присущая традиционным высказываниям о герое, явно поспешна. Герой

скорее идет спонтанно, ведомый внешней силой. Ведь именно глазами рассказчика нарисован портрет Флягина и выделены черты, подводящие его под подобие житийного святого, праведника. Некоторые поступки Флягина проникнуты высоким нравственным чувством, например, сострадание Грушеньке, дальнейшее покаяние, подвиг на войне и, наконец, жажда «за народ помереть». Но многие другие поступки не укладываются в модель праведника. Несомненно, что желание «за народ помереть» — праведническое начало в герое. При этом Иван оказывается то героем, то антигероем. Действительность становится богаче литературы. В восприятии образованного читателя жизнь героя — череда амбивалентных поступков. Но такова реальность, воссоздаваемая писателем, реальность народного сознания, рационально необъяснимая. С точки зрения самого героя, никакой разорванности нет. Противоречия возникают только с точки зрения взгляда с дистанции человека культурного, принадлежащего к миру цивилизации [12].

Амбивалентный характер пульсаций героя проявляет себя в демонстрации системы ценностей. Особенно значимыми для героя становятся образы природы и функция животного мира как часть природной составляющей. Рассмотрим еще один сложный этап в жизни героя — степной татарский плен, в окружении чужой земли, детей и жен чуждой христианскому сознанию веры. Герой не может воспринимать степь в традиционном значении простора, свободы и шири. Она не несет молодецкой энергетики, как в раннем эпизоде восхищения перед монастырской дорожкой, а, наоборот, выступает угнетающим жизнь фактором. Герой не свободен, он не может определить свое место в мире, а пустота степи несет бездушный характер (бездушный, так как земля не христианская): «Ах, судари, как это все с детства памятное житье пойдет вспоминаться, и понапрет на душу, и станет вдруг загнетать на печенях, что где ты пропадаешь, ото всего этого счастья отлучен и столько лет на духу не был, и живешь невенчаный и умрешь неотпетый...» [13, с. 264]. Степь дается как испытание герою, в попытках выбраться он переносит страдание, которое отражает пейзаж: «...а солнце обливает, жжет, и степи, словно жизни тягостной, нигде конца не предвидится, и тут глубине тоски дна нет...» [13, с. 264]. Однако именно в этот момент появляется такое природное видение, как мираж. Мы помним, Иван — намоленный сын, и мираж в его случае имеет знаковый характер: Флягин видит монастырь! Ему открывается новое знание о жизни, связанное с вопросами истинной веры, с тоской по русскому миру. Природа выступает проводником между духовным миром и жизнью человека: «Зришь сам не знаешь куда, и вдруг пред тобой отколь ни возьмется обозначается монастырь или храм, и вспомнишь крещеную землю и заплачешь» [13, с. 264].

В аспекте эстетического содержания аксиологии интересно рассмотреть функции животного мира как части природной составляющей в аксиологии Н. С. Лескова и его героя. Данная сторона проявляется в умении героя найти в природе высшую сущность вещей и идеальное начало. Для Флягина такое животное, как лошадь, — в отличие от кошки (а в повествовании есть эпизод с жестоким наказанием кошки, которой Флягин отрубил хвост) — животное,

несущее в себе «красу, природы совершенство» [13, с. 226], оно обладает значимой ценностью. Очевидно, что кошка такой ценностью не обладает. Большая часть жизни Флягина связана с лошадьми, целый ряд эпизодов посвящен его взаимодействию с этими животными. И не раз для Флягина лошади являлись движущей пружиной развития сюжета его жизни, источником происходящих с ним событий. Флягин не выделяет себя из мира природы, он слит с ней чувством стихийной свободы. Себя он осознает только в связке со стихией дикой, неукротенной природы, на равных с ней или даже в соперничестве: «...я к этому от природы своей особенное дарование получил» [13, с. 224]. Собственно, история об укрощении дикого коня вся пронизана этой идеей. В дальнейшем жизнь героя тесно соприкасается с лошадьми, он их ворует, когда находится в бегах с цыганом, и именно из-за коня он попадает в татарскую неволю почти на десять лет, соперничая «на перепорках» с татаринном Савакиреем, будучи очарованным красотой животного: «Я этаким легкости сроду не видал и не знал, как сего конька и ценить, на какие сокровища и кому его обречь, какому королевичу, а уже тем паче никогда того не думал, чтобы этот конь мой стал» [13, с. 225].

От своей неразделенности с природой в начале жизненного пути, через ее познание, умение найти в природе высшую сущность и идеальное начало герой постепенно начинает отходить, вычленять себя от нее, освобождается от страстей и приходит к христианским положениям — любви к народу и своей родине, что и лежит в основе национальных ценностей художественного сознания Н. С. Лескова. Как мы увидели, поэтика амбивалентности заключает в себе возможности выхода в аксиологические координаты героев Н. С. Лескова.

Один из блоков занятий посвящен современным медиаинтерпретациям некоторых произведений Н. С. Лескова. Смысл этих занятий — сопоставить экранизации и театральные постановки с авторской концепцией героев, обнаружить смыслы, отражающие современное состояние общественной жизни, массового сознания и личностные ориентиры молодого поколения.

Внимание студентов предлагается целый ряд сценических постановок и экранизаций, в том числе зарубежных (фильм-драма Романа Балаяна, 1990 г., Анджея Вайды, 1962 г., мюзикл — сексуальная мелодрама Петра Вейгла, 1992 г.). Из театральных постановок последних лет обращает на себя внимание интерпретация Камы Гинкаса в московском ТЮЗе, роль Катерины в которой исполнила популярная актриса театра и кино Елизавета Боярская. Название спектакля — «Леди Макбет нашего уезда», такой заголовок первоначально имела повесть Лескова. Кама Гинкас не изменил номинацию героини, имеющую отсыл к Шекспировской трагедии, тем самым сохранил память жанра. Нас интересует, как режиссер показал трагедию, произошедшую в провинциальном локусе российской действительности, а не на подмостках шекспировского театра. С подробной

интерпретацией данной театральной постановки можно ознакомиться статье [14].

Таким образом, практика вузовского литературного образования активно взаимодействует с наукой, осваивает вслед за лесковедением новые, современные пути анализа литературного произведения, наиболее адекватные авторскому художественному сознанию.

1. Лихачев Д. С. Особенности поэтики произведений Н. С. Лескова // Избр. работы : в 3 т. Л. : Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 327–337.

2. Турышева О. Н. Вузовское чтение в эпоху цифровой революции // Зарубежная литература в вузе: инновации, методика, проблемы преподавания и изучения. Екатеринбург : УрГУ, 2010. С. 96–103.

3. Эйхенбаум Б. М. «Чрезмерный» писатель (К 100-летию рождения Н. Лескова) // О прозе. О поэзии. Л. : Худож. лит., 1986. С. 237–253.

4. Гебель В. Н. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. М. : Худож. лит., 1945. 223 с.

5. Горелов А. А. Лесков и народная культура Л. : Наука, 1988. 294 с.

6. Телегин С. М. Жизнь мифа в художественном мире Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 46 с.

7. Жэри К. Чувственность и преступление в «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова // Русская литература. 2004. № 1. С. 102–110.

8. Поздина И. В. Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1860-х годов : моногр. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2012. 193 с.

9. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 287 с.

10. Жолковский А. К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова // Новое литературное обозрение. 2008. № 5 (93). С. 155–173.

11. Майорова О. Опыт реинтерпретации «Очарованного странника» Н. С. Лескова // Русско-французский разговорник, или *ou Les Causeries du 7 Septembre* : сб. ст. в честь В. А. Мильчиной / ред.-сост. Е. Лямина, О. Лекманов. М. : Нов. лит. обозр., 2015. С. 352–363.

12. Ранчин А. М. Трансформации агиографического кода в «Очарованном страннике» и принцип амбивалентности в поэтике Н. С. Лескова // *Slovene*. 2017. № 2. С. 413–443.

13. Лесков Н. С. Собр. соч. : в 12 т. М. : Правда, 1989. Т. 2. 412 с.

14. Поздина И. В. Использование интерактивных форм в преподавании творчества Н. С. Лескова в вузе // Литература в контексте современности : материалы IX Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Челябинск : Энциклопедия, 2017. С. 73–78.

© Поздина И. В., 2020